

Часть 1

Каждое утро понедельника становилось для Сакуты мучительным напоминанием о том, что предстоящая неделя снова будет казаться вечностью, но сейчас, за готовкой, время пролетало незаметно.

Он увлеченно готовил пирожки с тофу, карпаччо из морского леща с помидорами сверху, дайкон* с соусом мисо, никуджага* и паста песто*, и вдруг наступил уже четверг.

[П/Р: Дайкон - корнеплодное растение, подвид редьки посевной из семейства капустные. Никуджага - блюдо японской кухни, представляющее собой мясо, тушённое вместе с картофелем и луком, приправленное сладким соевым соусом. Песто - соус итальянской кухни на основе базилика, семян пинии, сыра и оливкового масла.]

В тот день он снова заехал за продуктами по дороге домой, а затем отправился к Май, чтобы приготовить ужин для Нодоки.

Чтоб снизить калорийность блюд, он предпочитал готовить в основном из овощей. Сегодня главным блюдом был гратен из баклажанов*.

[П/Р: Это кулинарный прием, при котором ингредиент покрывается подрумяненной корочкой, часто с использованием панировочных сухарей, тертого сыра, яйца или масла.]

Сакута уже готовил это блюдо в воскресенье, когда Сёко приходила вместе с Хаяте. Им даже понравилось.

Нодока съела его без жалоб, так что, должно быть, получилось довольно вкусно.

— С каких это пор парни умеют так вкусно готовить? — спросила она, закончив.

— Лучше иметь парня, который умеет, чем девушку, которая не умеет, согласись?

После этих слов он благородно прибрал и помыл посуду.

Закончив, он сел рядом с Нодоккой на диван, она все это время смотрела DVD. Под его весом диван немного прогнулся, и получилось так, что она случайно наклонилась и приблизилась к нему.

Она в свою очередь, гордо промолчав, восстановила равновесие, проскользнув до самого дальнего конца дивана, как можно дальше от Сакуты.

— Я не собирался набрасываться на тебя

— Ели бы все парни были так честны...

— Хм, ну, я думаю, что большинство парней нашли бы способ получше.

Однако быть отвергнутым так - все равно неприятно.

— Не бери в голову, я не имела ничего такого в виду.

Нодока говорила спокойным ровным тоном и все так же не отводила взгляда от телевизора. Это был один из фильмов Май. С момента ее перерыва...когда она еще училась в средней школе.

Всякий раз, глаза Нодоки были прикованы к Май, время от времени появляющейся на экране. Она пристально следила даже за движением ее век, когда она моргала, за тем, как она переводила взгляд — старалась не упустить ни одной детали.

Просмотр выступлений Май стал для нее обычной послеобеденной рутинной. Иногда это были фильмы, иногда телешоу.

Сегодня вечером они смотрели ужастик. Речь шла о людях, таинственно умирающих после публикации их имен в социальной сети...своего рода Тетрадь Смерти*.

[П/П: Имеется в виду достаточно известная манга авторства Цугуми Обы, главный герой которой, Ягами Лайт, нашел особенный дар Бога Смерти по имени Рюк - Тетрадь Смерти. Человек, чье имя записать в эту тетрадь, умрет.]

Май играла зловещую девушку, внезапно появляющуюся в кадре, каждый раз, когда находили тело. Казалось бы, что сложного в роли - просто присутствуй, но она была невероятна даже когда стояла совершенно неподвижно, эта сцена производила на девушку огромное впечатление. Ее губы слегка шевелились, а по спине пробегала легкая дрожь.

Самый страшный момент был во время сцены, в которой третья жертва - девушка лет двадцати пяти — ничего не подозревая, принимала душ. Май внезапно появилась в отражении зеркала перед ней.

— ?!

Нодока так сильно испугалась, что чуть не закричала, но все-таки смогла сдержать себя перед Сакутой. Однако Сакута и сам испугался не меньше - его сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Не похоже, чтобы Нодока была большой поклонницей ужасов. Уже после первых пяти минут она сжала подушку, держа ее перед собой как щит, словно защищаясь от кошмаров, придуманных кинематографистами. Уже после первой смерти она наполовину спряталась за импровизированной стеной-подушкой, изредка выглядывая, чтобы продолжить свое исследование.

Очевидно, единственная причина, по которой ей удалось пройти через это непростое испытание, заключалась в надежде найти секрет актерского мастерства Май. Когда начались титры, Май Сакурадзима появилась в самом начале титров. В следующее мгновение Нодока уже схватилась за голову.

— Я обречена.

— Почему?

— Съемки назначены на завтра!

— Я знаю.

— А я до сих пор ничего не понимаю.

Сакута драматично вздохнул.

— Это мне следует здесь вздохнуть!

— Только не говори мне, что ты это серьезно.

— А ты считаешь, что у меня есть повод пошутить?

— Все уже решено. Почему ты так переживаешь сейчас?

Сама же себя и накрутила из-за чего не могла до конца быть уверенной в собственных силах, но съемки будут уже завтра... и ни единого шанса прогулять.

— Ты не сможешь стать «Май Сакурадзимой» за одну неделю.

— Это...

Об этом Нодока начала догадываться с самого начала. Не существовало способов стать хотя бы

на миллиметр ближе к десяти годам профессиональной актерской карьеры за одну ночь. Неважно как бы старательно кто-либо не изучал ее выступления, все, чего бы они добились, — это доказали бы, насколько удивительной Май была на самом деле.

Если бы можно было добиться тех же результатов от простого просмотра, все актеры были бы так же совершенны в своем деле, как и Май. Повсюду были бы одни Май Сакурадзимы.

— И завтрашний день ничего не изменит. Это будет просто еще один день.

— Н-не напоминай мне!

— Просто нужно сделать то, о чем тебя попросят, в любом случае тебе не измениться.

— Я же сказала, давай не будем об этом... Ты просто мастер действовать людям на нервы, откуда в тебе это?

— Как скажешь. Кроме того, я никогда не видел твоих нервов.

— Очевидно, это была метафора!

Нодока вскочила на ноги, пыхтя как закипевший чайник. Такого определенно Сакута никогда не увидит, как только сестры вернутся в свои собственные тела.

— В любом случае, я хочу сказать, что тебе не нужно так сильно стараться быть тем, кем ты не являешься.

Чем больше она старалась быть Май Сакурадзимой, тем ближе была к тому, чтобы наступить на старые грабли. Как и неделю назад, она начнет задыхаться от волнения, и съемка будет отложена.

— Это совершенно нормально, даже если ты просто «достаточно хороша». Не будь такой жадной до мнимого успеха.

Нодока окинула его долгим, испытывающим взглядом.

— Почему ты так внезапно притихла?

— Мне кажется, я кое-что поняла.

— Что же?

— Кое-что о тебе.

— Думаешь стоит сейчас говорить обо мне?

— Ты говоришь глупости, но все равно пытаешься меня подбодрить.

Нодока ухмыльнулась, как будто выиграла очередную битву.

— Ну, это работа Май, так что мне хочется, чтобы все прошло без каких-либо проблем.

— Правда? Тогда я полагаюсь на тебя.

— Разве мы сейчас об этом?

— Ты выводешь меня из себя.

— Можешь злиться сколько душе угодно.

Сакута поднялся на ноги.

— Что, ты уже уходишь?

— Да. Если я вернусь поздно, Май рассердится.

Май была совершенно не против, чтобы Сакута присматривал за Нодокой, ведь сама же и дала ему запасной ключ. Но если он слишком задержится, Май будет раздражена не на шутку.

Вчера вечером она зашла так далеко, что уточнила, что он должен быть дома к восьми, как во время комендантского часа в эпоху Сёва*.

[П/П: Сёва - это девиз периода Камакуры, названного по имени города Камакура ставшего центром первого японского сёгуната, иначе военного правительства. Эта эпоха была временем междоусобных войн и доминирования сословия самураев, которые не всегда были бравыми защитниками, но и наемными убийцами, и бандитами. Нестабильность общественной обстановки пугала людей, поэтому чтобы обезопасить себя, уже после восьми на улицу выходить не рекомендовалось.]

— Я просто смотрю с ней твои фильмы и шоу! — запротестовал он.

— Дело не в том, что я тебе не доверяю, — сказала Май, отводя взгляд.

— Тогда в чем дело?

— Если Нодока начнет хотеть тебя, это будет проблемой.

Это застало его врасплох.

— Подожди... что ты там себе нафантазировала?..

— ...

От ее взгляда его пробрало мурашками до костей.

— Извини, но это уже не смешно, — поспешно сказал он.

— Я не против делиться с ней чем-нибудь, но на данный момент я не заинтересована в том, чтобы отдать ей тебя.

Май явно боролась с собственным смущением и не видела в этом ничего смешного.

К сожалению, Сакута не смог сдержать ухмылки, отчего подозрения Май только увеличились, но это простительно. В конце концов, Май была действительно милой. Он хотел записать этот момент ревности и воспроизводить его в своей памяти каждый вечер.

— Мне кажется она только презирает меня.

Он готовил ей ужин каждый вечер, но вместо того, чтобы сказать спасибо, Нодока в основном говорила: «Перестань пялиться на тело моей сестры!» или «Не сиди так близко!», «Даже если бы она что-то к тебе и чувствовала, так это была бы только зависть», «Не надейся».

Май оставила эту тему, но в ее голосе не было уверенности.

Этот разговор состоялся вчера вечером, поэтому он решил, что ему лучше вернуться домой пораньше. Если он пробудет здесь слишком долго, неизвестно, что она скажет на этот раз. Наказание может быть суровым.

— Прими хорошую долгую ванну и ложись спать пораньше, — сказал он, направляясь к выходу.

Отстреляться нужно было на рассвете. Ее менеджер будет здесь, чтобы забрать ее в четыре тридцать утра.

— Я знаю. Тебе не обязательно было мне напоминать.

— Пока.

— Ой, подожди.

Она успела остановить его раньше, чем он подошел к выходу.

— Сообщение для Май? Скажи ей сама.

— Не то, чтобы.

Казалось, его ждет что-то другое.

— Тогда что?

— Итак, э-э...Я хочу принять долгую ванну, так что ты можешь остаться, пока я не выйду.

Казалось, она была чем-то напугана...

Он совершенно не ожидал такого развития событий, поэтому сперва попытался понять, что в ее голове.

— Ты сказал принять ванну и пораньше лечь спать.

— Когда я говорил, что буду лично присутствовать? Это бессмысленно.

— Когда я одна в ванной, иногда мне кажется, что за мной следят, — пробормотала она.

— О, например, когда ты в душе и чувствуешь, что кто-то стоит у тебя за спиной?

Как та сцена в фильме. Нодока изменилась в лице.

— Так ты хочешь сказать, что тебе страшно одной, да?

— Я видела, как ты тоже вздрагивал во время той сцены! — Нодока взвыла, не в силах больше скрывать свою тревогу.

— Я останусь, если ты позволишь мне принять ванну с тобой.

Нодока, казалось, серьезно задумалась.

— Я... если моя сестра одобрит..., — серьезно сказала она.

— Э-э, нет, я пошутил. Да ладно, не принимай такие вещи всерьез.

Нодока иногда так делала. Она совершенно не понимала шуток, и это делало ее самым серьезным человеком на свете.

— Да чтоб тебя! Сдохни, сдохни дважды!!!

— Ты о том, чтобы сначала умереть социально, а затем физически? Зачем ты так со мной?
—спросил он, уже игнорируя всю абсурдность ее выходов.

— Я никогда не покажу тебе ее тело!

— Я бы предпочел насладиться тогда, когда она сама будет внутри.

— Какое право ты имеешь так говорить!

Нодока заворчала, поняв, что завела себя в тупик.

— ...

Сакута зевнул, и она нахмурилась, глядя на него.

— Хорошо, я подожду, пока ты выйдешь. Раз ты так сильно в это нуждаешься.

— Опустим последнее, — пожаловалась она и схватила пижаму.

Эта пижама уже была любезно аккуратно сложена для нее на диване. Она убежала в спальню, скорее всего, за сменным бельем.

Она вернулась, вошла в раздевалку и встала в дверях, оглядываясь по сторонам.

— Не смей подглядывать, — прошипела она.

Раз она так сильно на этом зациклена, разве не этого ли она на самом деле хочет? Вот как это прозвучало для Сакуты.

Но мгновение спустя дверь раздевалки закрылась, и он услышал щелчок замка.

— ...

Теперь он не мог подглядывать.

Вместо этого он снова сел на диван. Затем его взгляд метнулся к раздвижным дверям между гостиной и комнатой с татами.

— Несмотря ни на что, не открывай шкафы в комнате с татами.

Он вспомнил, что сказала Май, когда протянула ему ключ.

— ...

До сих пор у него не было времени это проверить, но Нодока была в ванне, так что это мог быть его единственный шанс.

Он встал и открыл дверь.

Май, похоже, не очень часто пользовалась этой комнатой. Там в принципе ничего такого не находилось. Сами татами пахли новизной, и она определенно следила за тем, чтобы они не запылились.

В самом дальнем углу стояло нечто, что можно было бы в принципе назвать шкафом. Единственная мебель во всей комнате.

Он открыл верхний ящик. Внутри был только один предмет. Коробка из-под печенья.

На картинке выше было изображено песочное печенье в форме голубя. Это была большая жестяная банка, в которой, по-видимому, должно было содержаться тридцать шесть печений.

Сакута достал ее и положил на татами.

Затем он осторожно открыл крышку.

— ...

Она был полон писем. Все они были адресованы Май Сакурадзиге и написаны одним и тем же почерком. На самых старых ее имя было написано ещё на хирагане вместо кандзи.

Не было необходимости смотреть на адрес отправителя.

Он положил письма обратно в жестянку и осторожно убрал ее обратно в шкаф. Он снова закрыл ящик.

Затем он вышел из комнаты с татами, закрыв за собой дверь.

— Аааа, — из него вырвался неопиcуемый всплеск эмоций.

Чувства Май были заперты в этом шкафу. Стало очевидно, как на самом деле чувствовала себя и Нодока.

— Господи, я надеюсь, они скоро помирятся...

Сакута полностью и искренне верил, в то, что скоро сестры перестанут быть такими упрямыми.

Часть 2

В конце концов, даже в день съемок Нодока была далеко не готова. Когда она вышла на съемочную площадку, она выглядела расстроенной и была очень напряжена во время первого прогона.

Недели недостаточно, чтобы кто-то смог так сильно измениться. Она не могла перестроить свою личность.

Но она перепробовала все способы один способ за другим, и ее борьба не была полностью напрасной. Нодока кое-что выяснила. Сделала для себя несколько открытий. Сакута был вместе с ней, и тоже смог усвоить для себя несколько важных уроков.

Такова была реальная жизнь.

Нет такого способа идеально подготовиться к чему-либо: будь то съемка фильма или что-то еще. Даже после нескольких недель подготовки было вполне возможно все еще чувствовать сильное беспокойство. Есть опасения или их нет – все это становится неважно перед предстоящей встречей с реальностью. Не было другого выбора, кроме как преодолеть появившиеся на пути трудности.

Для Сакуты прошедшая неделя была посвящена тому, чтобы как раз научиться их преодолевать. Уже спустя час после съемок начали друг за другом наслаиваться проблемы, требующие незамедлительного решения, именно в этот момент голос режиссера эхом разнесся по съемочной площадке.

— Да, отлично! Еще один дубль!

Работа пошла полным ходом. Было семь тридцать, и все больше и больше людей проходило через станцию. Пожилые дамы, выгуливавшие своих собак, останавливались, чтобы посмотреть на съемку.

Нодока обошла каждого члена съемочной группы, сказав им пару слов. Оператор широко улыбнулся ей, и ассистент рядом с ним, казалось, был удивлен, что его вписали в съёмочный процесс.

Сакута был здесь чужаком и, очевидно, не мог присоединиться. Поэтому он тихо отошел в сторонку. Некоторые члены съемочной группы помнили его с прошлой недели и с опаской смотрели на него.

Они, должно быть, подумали, что он какой-то жуткий фанат, преследующий Май Сакурадзиму - так обычно смотрят только на подозреваемого в зале суда.

Он подождал, пока загорится свет у перекрестка, и направился к пляжу. Было слишком поздно возвращаться домой, но слишком рано идти в школу.

Лучшим вариантом было просто прогуляться, наблюдая, как накатывают волны.

Пляж в этот час был почти пуст. Он мог видеть несколько человек вдалеке, но никого в пределах слышимости. Пляж был в его полном распоряжении.

Все, что он мог слышать - звуки природы. Свежий осенний ветерок, шум прибоя.

Несколько дней назад все еще казалось, что лето еще рядом и не собирается уходить, но ветер принес новый холод, который ясно дал понять, что наступила осень.

Была середина сентября. Лето должно было уже выйти за дверь. Вода, сверкающая в утреннем свете, уже не была такого яркого голубого оттенка. Краски сгущались по мере того, как надвигалась осень.

Тем не менее осень принесла с собой свежесть и умиротворение.

Ничто не загораживало ему обзор. Только море, небо и горизонт.

Собрав все мысли вместе, Сакута зевнул, словно вздыхая:

— Хва-а-а.

Просыпаться в пять было жестоко. Ему так хотелось спать. Даже несмотря на рассвет он едва мог держать глаза открытыми.

— Ты портишь такой прекрасный вид.

Внезапно голос... раздался совсем рядом с ним. Он обернулся и увидел Нодоку, стоящую на пляже. Все еще похожую на Май. Эношима плыла по воде позади, делая это так изящно, будто для кадра в фильме.

Он так потерялся, что не заметил ее приближения.

— Они предложили подвезти меня до школы, но сейчас еще слишком рано, — объяснила она.

Сакута не стал задавать вопросов. Нодока сменила наряд, который надевала для съемок рекламы, на свою форму Минегахары - летнюю форму, в комплекте с черными колготками. Точно так же одевалась Май.

Нодока придвинулась ближе, не сводя глаз с воды. Она остановилась примерно в трех шагах от него, повернувшись лицом к океану.

— Ах, как здорово! — сказала она, потягиваясь.

— Ты хорошо потрудились на съемках.

— Спасибо.

— Рад, что все закончилось без проблем.

— За исключением того, что потребовалось всего двенадцать дублей. Ужасно.

— Лучше, чем рухнуть на первом.

— Я хотела бы забыть. Перестань мне напоминать!

Они замолчали.

Некоторое время они просто слушали шум прибоя и ветра.

— Я не могу быть такой, как моя сестра, — резко сказала Нодока. Словно обращаясь к воде.

— Но в конце концов ты добралась до поставленной цели.

— Я не об этом.

— Хм?

— Я имела в виду после того, как вернусь в свое настоящее тело.

— Ага.

— Даже если Нодока Тоёхама и Sweet Bullet станут дико популярными, и я стану такой же знаменитой, как она... Я никогда не смогла бы жить под таким давлением. Никогда.

— Начиная беспокоиться об этом только как станешь популярной.

— ...

Сакута почувствовал ее взгляд на своей щеке. Он повернулся к Надоке; она определенно хмурилась, глядя на него. Нет, это был действительно сердитый взгляд.

— Ты думаешь, я не справлюсь?

— Ммм.

— Не надо просто так ворчать на меня!

— Я имею в виду, сейчас и так уже довольно много идиолов.

Май смотрела кучу разных концертных видео с идолами, поэтому он получил довольно хорошее представление о конкуренции в столь огромной индустрии.

Из того, что рассказывала ему Май, он понял, что даже если просто учитывать тех, кто работал в крупных агентствах, количество активных идиолов превышало две тысячи. Если считать местных или менее известных, то их число становилось пугающе огромным. Это была безумная конкуренция.

Лишь немногим из них удавалось регулярно попадать на телевидение. А за этими гламурными сценами стояло бесчисленное множество других групп, мечтающих о своем дебюте среди

столпов производства шоу-бизнеса.

— Их очень много. Это правда. Много девушек симпатичнее тебя.

— Я-я тоже это знаю, но..!

Она явно не хотела слышать это от него. Снова надулась. Но Сакута все равно продолжил разговор.

— Ты должна и петь, и танцевать...

— Ты даже никогда не видел моих концертов!

— У меня есть записи. Точно так же, как ты смотришь фильмы и шоу Май, она смотрит твои видео с концертов, промо-ролики, музыкальные клипы... Она очень увлекается твоим творчеством.

— Значит, ты все это видел и все еще имеешь наглость так со мной разговаривать?

— Говорить это за твоей спиной было бы просто невежливо.

— В любом случае это бестактно!

— Если иметь такт означает точно знать, как это будет трудно, но сказать: «Ты скоро добьешься успеха!» или «Я знаю, что ты сможешь это сделать, если будешь достаточно усердно работать!». Я выбросил все это дерьмо из своей головы и спустил его в унитаз много лет назад. Для пущей убедительности дважды смыл.

Нодока бросила на него взгляд, полный леденящего ужаса.

— Я знаю, что моя прекрасная метафора произвела на тебя впечатление, но не заставляй Май выглядеть так глупо.

— Это выражение отвращения! Ты кто такой?!

— Сакута Азусагава.

— Фу, ты буквально мерзок, — огрызнулась Нодока.

Она повернулась на каблуках и пошла вдоль пляжа, намеренно оставаясь на мокром участке

песка, который был тверже, чем сухая часть, и по ней было легче идти.

Она направлялась на восток. В сторону Камакуры и их школы. Прогулка в одну остановку приведет ее прямо к станции Шичиригахана.

Он встал и последовал за ней, подстраиваясь под ее темп.

— Ха, я просто не знаю, что мне теперь делать.

— Ты должна принять лицо и тело, с которыми родилась.

— Я не об этом говорю!

— Тогда что? Твоя мама хочет, чтобы ты была такой же популярной, как Май Сакурадзима, но ты знаешь, что этого никогда не произойдет, так что ты зашла в тупик?

Он задал ей этот вопрос так, словно в этом не было ничего особенного.

— ...

Нодока встала как вкопанная. Сакута остановился рядом с ней, в добрых десяти футах позади.

— Да, это так. И что с того? — спросила Нодока, не оборачиваясь.

— Не мне решать.

— ...

— А что насчет тебя?

— Что насчет меня?

— Ты хочешь быть такой, как Май?

Нодока стояла совершенно неподвижно, не глядя на него. Она слегка опустила голову, размышляя. Слышно только шум прибоя.

— Я не знаю, — сказала она, ее голос звучал странно уверенно для такого неясного заявления.

— Я думаю, что когда-то так и было. Правда еще не дошла до меня тогда, и... я действительно

хотела брать с нее пример.

Признаваясь, она подняла глаза, обратив свой взгляд к небу.

— А теперь?

— На этот вопрос я не смогу тебе ответить, — сказала она, поворачиваясь к нему и излучая презрение. — Я только сейчас поняла, что никогда не смогу этого сделать. Если я буду под таким постоянным давлением, стресс убьет меня. Наверное, я все-таки склоняюсь к тому, чтобы не быть похожей на свою сестру.

Это был честный ответ. Признание того, как сильно весь этот опыт напугал ее.

— Так что ты не можешь сделать это как Май, но ты все равно должна найти способ угодить своей маме.

— Вау, тебе легко говорить. Может ли у этой цели быть обратная темная сторона?

— Да я не особо не напрягаюсь. Давай, постарайся не отставать.

Нодока пристально посмотрела на него.

— Если в этом нет смысла, ты всегда можешь просто уйти, верно?

— Хм?

— Вся эта история с кумирами... Поклонники будут замечать, если тебе все это не интересно.

Сакута не стал останавливаться и прошел вперед мимо Нодоки.

— Пока ты этим занимаешься, верни Май ее тело и иди уже домой. Я не могу поверить, что у меня появился шанс начать жить с ней, но все, что она делает, это практикуется в пении и танцах! У нее нет на меня времени, и я очень расстроен.

Если бы он попытался завязать с ней разговор, она бы просто оборвала его:

— Извини, после танцевальной практики.

И если он будет терпеливо ждать, то все, что он получит, это:

— Я спать. Это ведь может подождать до утра?

И если бы он подождал до утра, она бы уже вышла из дома на пробежку. И когда она возвращалась после этого, она сразу же уходила в душ, а затем отправлялась в школу Нодоки.

Даже по выходным она обычно бывала в Нагое, Осаке или Фукусиме, в залах мероприятий или торговых центрах, давая мини-концерты.

Если бы он не знал ее лучше, они бы были похожи на пару, которая вот-вот расстанется из-за постоянного отсутствия взаимодействия. А Май, казалось, даже не подозревала о проблеме, которая ухудшала их связь. Сакута чувствовал, что он единственный, кто начинает нервничать.

— В таком случае, хочешь, чтобы я вместо нее заботилась о тебе?

— Хм?

Он обернулся и увидел, что Нодока улыбается ему. Это явно была улыбка человека, который замыслил что-то недоброе. Однако Сакута совершенно не догадывался, что она собиралась предпринять, но он точно сомневался, что она сможет использовать тело Май, чтобы безжалостно дразнить его. Хотя ее замыслы были слишком очевидны.

С другой стороны, он понимал, что совершенно отвергать эту идею будет глупо. Он решил не обращать внимания на то, что внутри была Нодока, и подыграть ей. Учитывая принудительный отказ, Май, вероятно, позволила бы ему немного повеселиться.

— А если конкретно?

— Все, что она позволит тебе сделать.

Нодока подошла ближе, выглядя уверенной. Все еще веря в ту ложь, которую он сказал ей о том, что они просто держались за руки. Может быть, пришло время сказать ей правду.

— Ну, мы еще не говорили по-французски.

— Что по-французски?

— Поцелуи.

— Хм? — Ей потребовалось мгновение, чтобы догнать его. — Э-э, подожди, что? Разве это не означало бы, что вы уже целовались по-другому?..

— Ага.

— ?!

Нодока была так потрясена, что ее нога зацепилась за насыпь песка. Она полностью потеряла равновесие и повалилась на него.

— Ого! Берегись!

Он протянул руку, чтобы подхватить ее, но она падала слишком быстро, и в итоге песок затянул и его.

Что-то мягкое коснулось его правой щеки. Он знал это ощущение.

Май уже делала с ним то же самое раньше.

Судя по реакции Нодоки, его предположение было верным, он не проиграл бы, даже поспорив на деньги.

Она поспешно вскочила, прикрыв губы обеими руками и уже покраснев как помидорка. Когда ее глаза встретились с глазами Сакуты, ее румянец стал еще ярче, и она поспешно отвернулась, пытаясь скрыть свою реакцию, и стала стряхивать с юбки песок. Слишком поздно.

— Май, не могла бы ты мне помочь?

Сакута поднял руки вверх, ожидая, что она поможет ему подняться.

— ...

Нодока явно колебалась, но, видимо, не желая, чтобы он подумал, что она смущена, подошла к нему, не говоря ни слова. Ее губы были плотно сжаты, и она явно прятала свои эмоции, но все же помогла ему подняться.

— Честно говоря, я не думал, что ты зайдешь так далеко.

— Я... я не... Ну, в этом нет ничего особенного, — сказала она, снова отворачиваясь от него. — М-мы ведь учимся в старшей школе. П-поцелуй это совершенно нормально.

— Разве идолам можно так говорить?

— Я никогда не делала этого раньше! — взвизгнула она, настолько взволнованная, что забыла о прежней сдержанности.

Потом она поняла, что сама вырыла себе могилу:

— Конечно же я целовалась! — поспешно добавила она. Это действительно не помогло.

— Да, но разве идолы не должны быть непорочными и все такое?

— Это нормально целоваться с другими членами группы!

Сакута не ожидал, что легкая издевка приведет к этому.

— ...

Яркие образы целующихся девушек всплыли в его голове, и он мгновенно нашел рычаги давления.

— Я понятия не имел, что ты влюблена в свою сестру...

— Я не это имела в виду! Я предпочитаю парней!

Он начинал чувствовать, что им следует оставить эту тему. Нодока была сейчас так напугана, что никто не мог сказать, какие факты она может выболтать в следующий раз. Он говорил вещи, которые она должна была бы категорически опровергнуть, но эта мысль, казалось, проходила мимо ее головы. Очевидно, она действительно любила свою сестру.

— Ну, я чувствую себя намного лучше. Думаю, нам пора в школу.

Было еще немного рано, но если бы он опоздал, потому что был занят препирательствами с Нодокой... он был бы очень расстроен. Какой тогда был смысл просыпаться в пять?

— П-подожди! - Нодока окликнула его, пока он не успел далеко уйти.

— На самом деле, тебе больше не нужно придумывать никаких оправданий.

— Дело не в этом...

Он обернулся и увидел на ее лице новое выражение. Она перестала как-либо увिलивать от разговора.

— Я не могу быть такой, как моя сестра. Но я собираюсь стать кумиром молодежи.

Облака исчезли. Улыбка на ее лице была подобна солнечному лучу.

— Моя карьера со случайной заявки матери на прослушивание, я и не ожидала, что пройду.

Но мне нравится давать концерты, и у меня есть поклонники, которые подбадривают меня.

— Хорошо.

— Да, так что для начала мне нужно собраться и написать песню, которая запомнится каждому. Может быть, тогда моя мама начнет принимать мой собственный путь.

— Ха.

— Ты чего такой кислый? — сказала она, внезапно понизив тон.

Она не выглядела счастливой.

— Что?

— Почему у тебя такой скучающий вид?

— Потому что мне скучно?

— Прощу прощения? Это серьезный разговор!

— Серьезные разговоры, как правило, скучны.

— Нет, ну, на самом деле, что происходит у тебя в голове?

— Она в основном полна мыслей о Май.

— ...

— ...

— Отлично. Я стану суперзнаменитой и заставлю тебя вернуть свои слова обратно.

— На тот случай, если этот день вдруг наступит, я обещаю, что буду выглядеть соответственно удивленным.

— Тебе лучше не забывать.

— Тогда стань знаменитой раньше, чем я закончится действие моей памяти.

Пока они разговаривали, Сакута снова зашагал в сторону школы. Нодока последовала за ним, стараясь не отставать. Она какое-то время ворчала на него, и он позволил ей выговориться.

Они поднялись по лестнице и пошли по дороге, которая вела к школе.

Пока они ждали сигнала светофора, Нодока вдруг начала рыться в кармане своей сумки. Она вытащила свой телефон и дернулась, как только увидела экран.

— Ответь ты, — сказала она, протягивая его Сакуте. Он взглянул на экран. Поступил входящий звонок от «Нодоки». Другими словами, позвонила Май.

Сакута подумал, не сказать ли Нодоке самой ответить на звонок, но решил, что пока они будут спорить, он отправит сообщение на голосовую почту, поэтому просто взял у нее телефон и нажал на экран.

— Алло?

— Почему отвечаешь ты?

— Она не хочет с тобой разговаривать.

— Я этого не говорила! — завопила Нодока, дергая короткие рукава своей униформы.

— Ну, я все равно звонила тебе, — сказала Май.

— Что-то случилось?

— Мм, я уже собирался уходить, как зазвонил твой телефон. Номера я не знала, поэтому не стала отвечать. Сообщение попало на автоответчик...

Когда кто-то оставлял сообщение на автоответчик, любой в комнате мог услышать его голос, даже не поднимая трубку...

— Кто это был?

— Твой отец.

Ее голос звучал слегка напряженно. Она знала, почему он не живет со своими родителями, поэтому была обеспокоена.

— А Каэдэ?

— Высунула голову, чтобы послушать. Она сказала, что с ней все в порядке, но... она казалась немного удивленной.

— Я понимаю.

Ему придется приготовить на ужин одно из любимых блюд Каэдэ.

— Ты как обычно сначала беспокоишься о Каэдэ, — сказала Май почти про себя.

— Что это было за сообщение?

— Он хочет встретиться в это воскресенье.

— Понял. Спасибо, что дала мне знать.

— Мм-хм

— О, и съемки рекламы закончились хорошо. После, примерно, тринадцати дублей.

— Двенадцати! — поправила Нодока, достаточно громко, чтобы Май, вероятно, услышала ее.

— Ладно. Скажи Нодоке, что она хорошо поработала.

Сакута совершенно очевидно сменил тему, но Май пропустила это мимо ушей без комментариев. У нее, вероятно, были вопросы, и она определенно волновалась, но не показывала этого, потакая ему. Потому что понимала, что не стоит насильно заставлять его отвечать.

Он глубоко ценил ее деликатность в том, что касалось его родителей. Не казалось, что он ссорился с родителями или не испытывал желания встретиться и поговорить с ними. Но они не жили вместе. Из-за этого все отношения сошли на нет, и он не был уверен, что сможет теперь

правильно выразить и донести свои чувства по этому поводу.

— Мне пора в школу, — сказала Май.

— Ладно. Пока. — Он повесил трубку и вернул телефон Нодоке.

У нее явно были вопросы. Даже если бы внутри была Май, у нее, вероятно, было бы такое же выражение лица. Нодока никогда еще не была так похожа на Май.

Часть 3

В тот день по дороге домой из школы они оказались втянутыми в битву на выносливость.

И все из-за того телефонного звонка. И все потому, что Май сообщила, что его отец пытался с ним связаться.

Нодока явно хотела расспросить.

Сакута сделал вид, что ничего не заметил.

Ожидание поезда на крошечной платформе станции Шичиригаханама, поездка на коротком поезде из четырех вагонов и высадка на станции Фудзисава - ни один из них не сказал ни слова за все время.

Он был почти уверен, что Нодока хотела проявить внимательность. Она пыталась не показывать, как сильно ей хотелось сунуть нос не в свое дело. Но ее намерения, как всегда, были ясны как чистое весеннее небо, что невозможно было не заметить, как она старается аккуратно разведать обстановку. Сакута уже давно придерживался мнения, что Нодока была ужасным лжецом. Выражение ее лица и язык тела выдавали ее с головой.

Во время того, как Сакута зашел в круглосуточный магазин, чтобы купить немного пудинга, и после того, как они ушли, каждый раз, когда они встречались взглядами, она сразу же отворачивалась.

Ему пришлось постараться, чтобы подыграть и сделать вид, что он ничего не заметил.

— Ты хочешь узнать больше о моей семье, верно? — спросил он, пройдя несколько кварталов позже.

Ему надоело это странное напряжение, и он решил просто разобраться с ним в лоб. В конце

концов, старшекласник и его младшая сестра, живущие вдвоем отдельно от родителей, вряд ли были обычными людьми. У кого угодно могли возникнуть вопросы.

— ...

Нодока удивленно посмотрела на него. Но она быстро пришла в себя.

— Моя сестра рассказала мне основные моменты, — тихо сказала она. — В тот день, когда мы поменялись телами.

Ее голос звучал неуверенно. Вероятно, она чувствовала себя виноватой в том, что попыталась порыться в чужом грязном белье.

Май, должно быть, сочла это необходимой информацией, и Сакута не видел в этом никакой проблемы. Нодоке не за что было чувствовать себя виноватой.

— Тогда что?

— Как ты относишься к своим родителям?

Они остановились на красный свет.

— Я думаю, что они мои родители.

— Хм?

— Они мои родители.

— Это все? Должно быть что-то еще.

— Нравятся ли они мне?

— Любишь их, ненавидишь их, терпеть их не можешь, хочешь, чтобы они отвалили от вас и так далее.

— Вероятно, все это, — сказал он.

— ...

Нодока, казалось, не была удовлетворена. Она не думала, что он это имел в виду.

— Я думал о каждой из этих вещей в какой-то момент.

— Ты уверен?

— Что ты хочешь, что бы я еще сказал?

Загорелся зеленый свет. Сакута оставил Нодоку стоять там, погруженную в свои мысли. Мгновение спустя она поспешила за ним.

Когда она догнала его, то выглядела еще более недовольной. Уголки ее губы были опущены. Но, похоже, ее не смутил его ответ.

Она еще больше была расстроена своей неспособностью контролировать ход разговора.

— Ты не обижаешься на них? — спросила она, когда они миновали переход.

— Не совсем.

Эта часть была определенно правдой.

Они жили порознь из-за издевательств над Каэдой. Он, конечно, был зол на многое сразу после того, как это случилось. Часть этого, безусловно, включала обиду на его родителей. Но, оглядываясь назад сейчас, он понимал, что это была явно мимолетная фаза. Время шло, и его эмоции утикли.

И человек, который помог ему пройти через это – Сёко Макинохара.

— Почему нет?

— Наверное, потому что они мои родители.

Ответ снова пришел легко. Это была одна из тех вещей, о которых задумывались все больше, чем сложнее становился ответ, но, если не вдаваться в излишние размышления, ответ на самом деле мог быть на удивление прост.

Нодока снова замолчала, обдумывая услышанное. Вероятно, она задумалась о ее отношениях с матерью.

Она сбежала из дома после ссоры, так что ее мать определенно была источником обиды. Она не хотела видеть ее, говорить с ней или иметь с ней что-либо общее.

Но в глубине души она также знала, что не может оставить все как есть. Или, скорее, она не хотела этого делать.

Поэтому она искала решение в словах Сакуты. Но это не имело значения как бы тщательно она их ни перебирала, она не могла найти ответ, который хотела. Все, что она нашла, принадлежало Сакуте.

— Твои родители когда-нибудь говорили: «Они делают все по-своему, тогда и мы делаем все по-своему?»

— Наш способ был больше похож на «Сделай это, как делает Май», — пробормотала Нодока, как будто произносила проклятие.

— Это звучит ужасно.

— Так и было.

Они замолчали. У Нодоки больше не было вопросов. Ей тоже больше нечего было добавить. Но молчание длилось не так долго. Когда они добрались до своих многоквартирных домов...

— Эта машина... — нахмурившись, сказала Нодока.

Снаружи был припаркован белый микроавтобус. Номера Синагавы.

Определенно не принадлежал никому, кто жил поблизости.

Когда они осмотрели его, дверь со стороны водителя открылась. Вышла роскошная дама лет сорока. Она сразу же направилась к Нодоке. Да так стремительно, что казалось, она совершенно не замечала Сакуты, стоявшего рядом. Она направилась к ним, стуча каблуками.

Губы едва Нодоки шевельнулись.

— Мама, — одними губами произнесла она.

— Май, — решительно сказала мать Нодоки. С упреком. Явно обвиняя ее. — Где Нодока? — спросила она.

Обвинение в ее привычном тоне. Она никак не могла знать, что «Май» на самом деле была

Нодокой. Никто бы никогда не догадался, что они поменялись телами, и даже если бы они сказали ей, она бы никогда в это не поверила.

Мать Нодоки думала, что она разговаривает с Май.

— Тебе давно пора вернуть ее. — Она определенно обращалась с Май как с главной злодейкой.
— Это критическое время для нее. Я не позволю тебе вмешиваться.

— Простите, я в замешательстве, — сказала Нодока голосом Май.

Но ее губы дрожали.

— Она ведь у тебя, верно?

— Нет, это не так.

— Не лги мне!

Она не лгала. Май - в теле Нодоки - жила в квартире Сакуты.

— Она действительно не живет со мной. Если вы так хотите, не стесняйтесь зайти и проверить.

Это заставило ее маму замолчать. Если бы она ворвалась к ней в дом, то была бы вынуждена признать, насколько это неуместно. И она, по крайней мере, была достаточно разумна, чтобы понять это.

— Нет, в этом не будет необходимости, — сказала она, отступая. — Если ты получишь от нее весточку, скажи ей, чтобы она возвращалась домой.

— Хорошо, — сказала Нодока, храбро продолжая играть роль Май.

Это проявление зрелости заставило ее мать захотеть еще что-то сказать, но она передумала и зашагала обратно к своей машине. Двигатель завелся, и вскоре после этого она уехала. Вскоре машина скрылась из виду.

— Разве она не ужасна? — спросила Нодока.

Она выглядела печальной. Никто не хотел жаловаться на своих родителей.

— Я не думаю, что неправильно впадать в отчаяние, когда дело касается твоих детей.

— Она всего лишь пытается защитить свою собственную гордость.

В этом, безусловно, была доля правды. Как и сказала Май, они с Нодокой оказались в ловушке войны по завоеванию доверия между своими матерями, чтобы посмотреть, кто будет более успешным. Мать Май одержала ошеломляющую победу и, вероятно, ей было уже все равно, но для матери Нодоки битва продолжалась. Ее отношение ясно дало это понять. В то же время, то, как она появилась, разве это нормально?

Ее материнская забота определенно поразила Сакуту.

Когда люди действуют сами за себя, их рациональный разум обычно срывает, заставляя их колебаться, беспокоиться о внешнем виде и больше интересоваться тем, как избежать риска. Но когда они действовали в чьих-то интересах, они могли оправдывать себя самыми разными вещами, говоря, что у них не было другого выбора. Это было отличным оправданием для отчаянных поступков.

По крайней мере, Сакута никогда бы не поставил себя в неловкое положение ради собственной выгоды. Он смог сказать Май, что любит ее, перед школой, потому что у него была веская причина, которая заставила его.

— ...

Нодока все еще смотрела вслед давно уехавшему микроавтобусу своей матери.

Печальное выражение ее лица говорило о том, что она нашла ответ, который искала в их предыдущем разговоре.

— Я не вижу в этом проблемы.

— ...

Она бросила на него растерянный взгляд.

— В любви к своей матери.

— ?!

— Ты дерешься, злишься, убегаешь, но все равно любишь ее.

— ...

Нодока ничего не сказала. Она стиснула зубы, глядя на Сакуту.

Уставилась на него. Как будто пыталась понять, правда ли он верил в то, о чем говорит. Она забыла моргнуть.

— ...Даже такую ужасную маму? — спросила она без особой уверенности.

«Это было самое искреннее выражение ее чувств до сих пор», — подумал Сакута.

Постоянное вмешательство и попытки сделать ее такой же как Май, все разочарования и провалы... так давили на нее, что она сбежала.

Ей было что возразить матери после всего, что она сказала и сделала.

Но Нодока все еще не могла заставить себя возненавидеть ее. Она прекрасно это знала.

В этом не было смысла, но та часть ее, которая хотела продолжать любить свою мать, была такой же сильной.

Эти противоречивые эмоции все еще боролись в ней. И вот почему она обратилась к Сакуте за помощью в принятии решения.

— Ты не обижаешься на нее?

Все это содержалось в этом коротком вопросе.

— Кто сказал, что она была ужасной?

Сакута определенно этого не делал.

— Я думаю, что она ужасна. Она появляется на каждом концерте, чтобы вся группа знала о ней. Я знаю. Они говорили такие вещи, как «Дока, твоя мама - это нечто».

— Вот почему ты чувствуешь, что любить ее неправильно?

— ...

— Это глупая причина.

— Я имею в виду совершенно не это!..

— Если ты расстроилась из-за того, что кто-то говорил гадости о твоей маме, то таков твой ответ на данный момент. Если тебя снова тошнит из-за ссоры, то это и есть то решение, которое ты искала.

— ...

Рука Нодоки крепко сжала рубашку. Должно быть, она уже какое-то время мучилась.

— Как...

— Мм?

— Откуда ты точно знаешь, что я хотела услышать?

Она посмотрела на Сакуту, сдерживая слезы. Но ей не удалось удержать их надолго. Эмоции нахлынули, наполовину счастливые, наполовину пристыженные, смесь, которая заставляла ее выглядеть очень незрело. Как маленький ребенок, настаивающий на том, что он не плачет.

— Прощу, мелюзга, не делай этого с лицом Май! Это слишком очаровательно. Я не могу сдерживаться!

— Ну, тогда просто не надо сдерживаться!

Она вытерла слезы в уголках глаз.

— Ты просто мелкая вредная девочка. Пожалуйста, прекрати.

Этот жест был столь же разрушительным.

— Как насчет того, чтобы прекратить это?

— Хм?

— Перестань называть меня так! Это оскорбительно! Тупица.

Это было похоже на попытку скрыть слезы.

— Я прекращу, если и ты прекратишь, — сказал он.

— Хм?

— Я имею в виду, мне на самом деле все равно, назовешь ты меня тупицей или нет.

— Фу.

— Но ты не должна ничего бормотать за моей спиной.

— Только одно тебя и волнует. Ты действительно в ней души не чаешь.

— Да.

— ...

— Что?

— Сакута, у тебя что, нет понятия стыда?

Очевидно, теперь они обращались друг к другу по имени.

— Азусагава чертовски долго говорить.

Он не спрашивал, но она уже начала оправдываться. Она отвернулась, ее щеки горели.

— Называй меня как хочешь, Тоёхама.

— ...

— Твои имя и фамилия почти одинаковой длины.

— Я не сказала ни слова!

— Или ты предпочитаешь, чтобы я называл тебя Дока?

Это было ее прозвище в группе.

— Не будь таким тупицей.

— Не пойдет? Тогда я просто буду мысленно называть тебя так.

— Тупица.

— Мы возвращаемся к тому, с чего начинали, Дока?

— Это все, чего ты заслуживаешь! — закричала Нодока.

Кипя от злости, она потопала в свое здание.

— Один шаг вперед, один шаг назад, — сказал Сакута.

Он повернулся и направился к себе.

— Я доооома, — сказал Сакута, открывая дверь.

— С-с возвращением! - Каэдэ ответила, как обычно. Но в отличие от обычных дней, она не прибежала к двери. Обычно они с Насуно соревновались, чтобы прибежать первыми...

Вместо этого она выглядывала из-за двери туалета, наблюдая за ним из-за укрытия.

— Т-ты рано вернулся.

Ее голос звучал напряженно. Даже немного взволнован.

— Неужели? Это какая-то новая игра?

Он снял ботинки и вошел внутрь. Это был его дом. Ему не нужно было разрешение.

— М-моя жизнь - это не только развлечения и игры! — сказала Каэдэ, как будто обидевшись.

— Я принес немного пудинга, — сказал он, поднимая сумку из круглосуточного магазина.

— Ура!

Каэдэ просияла, почти выйдя из уборной. Но она быстро ахнула и снова спряталась.

Он решил оставить ее в покое и поставил пудинг в холодильник. Когда он вернулся, она все еще была в состоянии суперзащиты.

— Я вроде как хотел прополоскать горло? — сказал он.

— Мытье рук и полоскание горла — это очень важно! — с энтузиазмом воскликнула Каэдэ

— ...

— ...

Но она не открыла дверь. Ее защита была так же непреступна, как Замок Одавара. Ну, не совсем так. Сакута, вероятно, мог бы пробиться внутрь, если бы действительно захотел.

— Ты только что вышла из душа? Ты еще не одета?

— Я бы не стала закрывать дверь из-за этого!

— Я думаю даже в таких случаях не помешало бы.

Даже между братьями и сестрами следует поддерживать базовый уровень скромности.

— Так серьезно, в чем дело?

Это было слишком странно, чтобы игнорировать. Совсем на нее не похоже. Неужели другие девочки-подростки тоже однажды внезапно запираются в ванной? Было ли это каким-то симптомом «этих дней», о котором он раньше не знал?

— У меня было много всего на уме! — сказала она.

— И что конкретно привело к этому?

Ему уже надоело разговаривать только с ее лицом.

— Ты обещаешь, что не будешь смеяться?

— Я бы предпочел порадоваться и посмеяться.

— ...

— Хорошо, я не буду смеяться.

Он действительно понятия не имел, что происходит.

— Одну минуту.

Голова Каэдэ исчезла, и дверь захлопнулась.

— ...

Он слышал, как она ходила внутри. Приводила себя в порядок.

Дверь оставалась плотно закрытой. Через добрых три минуты, как раз, когда он собирался открыть дверь сам, она наконец появилась.

Каэдэ была полностью одета.

Но не в своем обычном наряде. На ней была белая блузка с темно-синим жилетом и юбкой. Сначала он не знал, почему ему показался странным этот наряд, но через минуту понял, что это форма младших классов средней школы. Это был лучший наряд из школы, в которую она поступила после того, как они переехали сюда.

Это было явно что-то очень новое. Она явно никогда так не одевалась. У нее была юбка стандартной длины, поэтому она выглядела странно длинной.

— Н-ну?

— Пахнет, как в шкафу. Она определенно завалялась там.

— Я ... это все?

— Юбка немного длинновата. Выглядит как сыр с плесенью.

— Но сыр очень вкусный!

— Младшеклассники могут выглядеть и раскованней.

— Я учусь в средней школе!

Он оставил ее кипящей от злости в коридоре и пошел в ванную. Помыл руки с мылом, прежде чем полоскать горло. Когда Май (в теле Нодоки) понаблюдала за ним какое-то время, она сказала:

— Если ты простудишься, и я заражусь, этот факт станет вечным компроматом на тебя. — Выражение ее лица было смертельно серьезным.

Так что на всякий случай он снова прополоскал горло. А потом хорошенько умылся.

— Так я и думала, — сказала Каэдэ, когда его лицо было спрятано в полотенце. — Может быть, пришло время попробовать еще раз.

— Не старайся слишком сильно, — сказал он, глядя ее по голове.

Она хихикнула, как будто ей было щекотно.

Должно быть, это произошло из-за утреннего звонка. Тот, что был от их отца...

Она знала, что так не может продолжаться вечно, но ей нужен был толчок...И это утро дало ей его.

Вот как это видел Сакута.

— Ты продолжаешь приводить одну девушку за другой, так что я думаю, что мне давно пора взять себя в руки.

Конечно, не эту причину он себе представлял, но она, казалось, была взволнована этим.

— Как ты пришла к этой мысли?

— Что ты имеешь в виду?

Она озадаченно склонила голову набок. Ее голова словно начала падать.

— Не бери в голову.

Не важно, какова была ее причина. Что действительно имело значение, так это то, что она решила надеть школьную форму. То, что она сделала это по собственной воле.

Прежде чем он смог получить удовольствие от того, что она добилась такого значительного прогресса, вошла Май.

Им надоело каждый раз впускать ее, а если Сакута уходил на работу, такой вариант сразу был в пролете, поэтому он в итоге дал ей запасной ключ.

— Я вернулась, — сказала Май.

— С возвращением, Нодока!

— Хм? Это твоя форма? — спросила Май, сохраняя интонацию Нодоки, даже когда была удивлена. — Это очень мило.

— Сакута сказал, что это выглядит как заплесневелый сыр.

— Тебе определенно стоит немного укоротить юбку.

— Я знаю!

Каэдэ кивнула, очень серьезно восприняв совет Май. «Нодока» была модницей, поэтому от нее этот совет звучал очень убедительно.

— О, и... я принесла подарок.

Май протянула ей сумку из круглосуточного магазина.

Каэдэ заглянула внутрь.

— О, еще немного приятного пудинга! Давайте устроим вечеринку с пудингом!

— А что? — спросила Май, выглядя смущенной.

— Мой старший брат тоже купил пудинг! — хвастливо сказала Каэдэ.

— Правда?

— Ага! — Каэдэ радостная поспешила убрать десерт в холодильник.

Май наконец посмотрела на Сакуту.

— Никакой практики вокалу?

Она всегда заходила в караоке-бокс после школы, если у нее не было важных уроков. Он просто предполагал, что она сделает это сегодня. Но она вернулась неожиданно рано.

— Мое горло не в состоянии это сделать, так что я передохну.

Очевидно, это просто предлог.

Она вернулась раньше, потому что беспокоилась о Каэдэ. Пудинг был прямым доказательством.

— Не смей ухмыляться при мне.

Она говорила, как Нодока, но топнула ногой, как Май. Это только сделало выражение его лица еще более самодовольным. У него болели щеки. Но он не мог остановиться.

Ухмыляясь от уха до уха, он предпочел вместо этого насладиться моментом.

Часть 4

Два дня спустя наступило воскресенье. Сакута пообедал пораньше и отправился в ресторан на работу. У него был часовой перерыв перед следующей сменой до девяти.

Во время обеденного перерыва он был занят клиентами на этажах, но к двум часам все стихло, и он ушел в подсобное помещение готовить все к ужину. Ножи, вилки и ложки не собирались полироваться сами по себе.

— Семпай.

— ...

Ему показалось, что кто-то зовет его по имени, но он не обратил на это внимания, продолжая заниматься своей работой. Его руки заставляли все блестеть.

— Семпай, помоги.

— ...

— Игнорируешь меня?! Так подло!

Он предполагал, что ему показалось, но, очевидно, нет. Он повернулся на голос, его рука все еще двигалась.

Томоэ Кога стояла у автомата с пивом, надув щеки. Она была похожа на бурундука, набившего рот семечками подсолнуха.

— Что, Кога?

— Мне нужна помощь, чтобы поднять пивной бак!

У ног Томоэ на тележке стоял двадцатилитровый бак. Промышленный род серебра. Ей необходимо поднять его на полку высотой по пояс, так что было чересчур для девушки одной пытаться поднять его.

Положить его на тележку было, вероятно, самым большим, на что она была способна.

— Ты могла бы просто сказать. Я бы принес его.

— А? — Она нахмурилась, глядя на него. — Ты сам сказал: «Это все на тебе».

— Я сказал? — Он ничего не помнил об этом.

Он попытался вспомнить. Может быть, он так и сказал. Вскоре после того, как он начал полировать, кто-то сказал: «Семпай, у нас пиво пустое» и он рефлекторно ответил: «Это все твое». Он о чем-то задумался? Это было всего десять минут назад, но он едва мог вспомнить.

— Ты действительно дотащила это одна?

— Я думала, что мои руки оторвутся, когда я положу его на тележку.

— Ужасно.

— Ты заставил меня сделать это!

— Да, ну...Извини.

— ...

Когда он действительно извинился, она наклонилась, вглядываясь в его лицо. Как будто с ним что-то было не так. Это было довольно грубо.

— Я знаю, что ты сегодня ведешь себя странно, семпай.

— Ты знаешь?

— Ты делал неправильные заказы, ставил посуду не на те столы, даже ронял тарелки.

— Ты преследуешь меня?

— Обычно ты никогда не совершаешь ошибок, так что это трудно не заметить!

Но все же она пробормотала себе под нос, надувшись:

— Я не обращаю на тебя особого внимания или что-то в этом роде...

— Ну, я думаю, что я опытный парень, — сказал он.

Томоэ полностью проигнорировала это. Никаких реакций, мнений, жалоб или недовольства. Ему было очень грустно.

— Ты поссорился с Сакурадзимой, верно?

— Почему ты выглядишь такой счастливой?

Он схватил Томоэ за щеки и потянул.

— Ай, ай! — Она отстранилась. — Ты растягиваешь мне лицо!

— Чтобы было ясно, речь идет не о Май. Я просто встречаюсь со стариком на перерыве.

Было уже слишком поздно менять рабочие смены, поэтому он запланировал встречу во время своего часового перерыва. Четкие временные рамки встречи, честно говоря, были плюсом.

— Неужели?! Отец Май?!

— Я же сказал, что это не из-за нее! Я встречаюсь со своим стариком.

— Оу. Ладно.

Как только Томоэ это поняла, то сразу затихла. Она, скорее всего, уловила вибрацию и поняла,

что ему приходится сейчас переживать. Она знала, что они с Каэдэ жили вдвоем. Он объяснил основы инцидента с издевательствами и усталостью своей матери.

— Прости, семпай, — сказала она, ерзая.

— Почему ты извиняешься?

— Я имею в виду...

— Ты был зол, примерно, секунду назад.

— Ах, точно, пивной бак! Понял.

Он подошел к дозатору и схватил одну из ручек бака.

Томоэ схватила другую.

— Готов?

— Ага.

— На счет три!

— Хм?

— Ого!

Томоэ попыталась приподнять свой бок, но он был слишком тяжелым.

— Это все ты! — сказала она, хмуро глядя на него. - Сейчас не время для издевок.

— Ты произнесла какое-то странное магическое заклинание.

— Что ты имеешь в виду?

— На счет чего?

— На счет три, — сказала она, бросив на него вопросительный взгляд.

— Что это, черт возьми, такое?

— Хм?

Томоэ наконец поняла, откуда взялось замешательство.

Вероятно, это был какой-то местный вариант стандартной фразы «давай на раз-два-три».

— Э-э, разве в Токио так не говорят?

— Нет в Канагаве так не делают. Вероятно, также и в Сайтаме, Тибе, Ибараки, Тотиги или Гумме.

— Ты шутишь? Я сказала это на днях, когда мы с Наной убирались! Да, точно!

Томоэ схватилась за голову, несколько раз причитая «О боже». Она была из Фукуоки, но в школе держала это в секрете.

— Ты достаточно часто проговариваешься, Нана, вероятно, уже знает.

— Это еще хуже!

— Если она знает и уважает твои желания настолько, чтобы ничего не говорить, она хороший друг.

— Это просто наводит на меня тоску! Тьфу, как я смогу смотреть ей в глаза?

— Попробуй использовать свое обычное милое личико.

— Ой, заткнись.

— Давай, хватайся за свой конец.

— О, точно.

Сакута снова схватился за ручку. Томоэ тоже схватила свою.

— Поехали, — сказал он. — На счет три!

— Ты такой несносный!

На этот раз они успешно подняли бочку и подсоединили ее к дозатору пива. Ночное веселье было обеспечено.

— Разговор с тобой определенно поднимает мне настроение, Кога.

— Этот монотонный голос даже отдаленно не убедителен! Ты просто ужасен!

Томоэ действительно помогла ему почувствовать себя намного лучше.

Сакута работал до перерыва, не отвлекаясь, и даже когда наступил перерыв, он не чувствовал беспокойства.

Он вышел ровно в три тридцать, быстро переодевшись в форму. Согласованным местом встречи было кафе рядом со станцией.

Когда Сакута вошел внутрь, он увидел, что его ждет отец. Он приветственно поднял руку, затем подозвал официантку. Сакута устроился за столом напротив него и заказал кофе со льдом.

— Без еды?

— Меня кормят на работе.

— Хорошо.

Официантка убрала меню, и Сакута сделал глоток воды, оглядывая отца. В этом году ему исполнилось сорок пять. Он носил очки, которые делали его похожим на инженера. Было воскресенье, но на нем была та же белая рубашка и галстук, что и на работе. Казалось, что теперь у него стало больше седых волос.

— Это было так давно.

— Да.

Принесли кофе со льдом. Официантка поставила подставку, затем поставила на нее бокал, как будто только что подала ему вина. Пока она была у столика ни один из них не произнес ни слова.

— Наслаждайтесь! — сказала официантка и ушла.

Последовала еще одна долгая пауза.

Сакута отхлебнул кофе через соломинку. Его отец поднес чашку с кофе к губам.

— Как мама? — спросил Сакута, как только отец поставил чашку.

— Лучше.

— Это хорошо.

Они говорили об этом каждый раз, когда встречались. Его отец никогда конкретно не говорил, как ей стало лучше. Сакута решил не спрашивать. Это стало негласным правилом между ними.

— Как Каэда?

— Когда я на днях вернулся домой, она примеряла свою униформу.

— ...

Глаза его отца расширились от удивления.

— Выходить на улицу еще слишком тяжело для нее, но... Я думаю, она чувствует, что не может продолжать в том же духе.

— Ах.

— Я поймал ее, когда она смотрела на календарь.

Приближался конец сентября. У них уже был месяц второго семестра. Он решил, что ей было любопытно.

— Хм.

Вероятно, это было неприятно слышать. Но нежный взгляд его отца показал, что он был рад услышать что-нибудь о ней. Они уже два года жили порознь. Сакута регулярно встречался со своим отцом и несколько раз видел свою мать. Но для Каэдэ это было не так. Она не встречалась ни с одним из них.

— ...

— ...

Как только разговор затих, ни один из них не стал начинать новую тему. Чтобы нарушить тишину, они оба сделали по глотку кофе.

Смотреть друг на друга казалось бессмысленным, поэтому глаза Сакуты рассеянно блуждали по кафе.

Здесь было много взрослых, выглядящих очень статно. Определенно, в такое место Сакута никогда бы не пришел сам. Средний возраст клиентов был слишком высок. Сакута был здесь единственным подростком.

Следующими по возрасту людьми была пара, сидевшая за соседним столиком, которым было, наверное, лет двадцать пять. У девушки была короткая стрижка, искусно растрепанная, как у взрослых дам. На шее у нее были большие наушники. Ее с уверенностью можно было назвать больше «элегантной» чем «милой». Она была настоящей леди.

Парень напротив нее... Ну, его прическа и очки были безупречны, как будто слово «серьезный» приняло человеческую форму и блуждало вокруг. Или, скорее, село. Даже его рубашка была аккуратно заправлена.

Они говорили о шоу дельфинов, так что, должно быть, пришли из океанариума.

— Что дальше? — спросил парень, взглянув на часы. Предполагая, что у них еще есть время.

— Ты знаешь моего младшего брата? На днях он привел домой подружку, — сказала девушка, делая вид, что изучает меню.

Даже сидя за соседним столиком, Сакута мог сказать, что это было завуалированное предложение.

— О, да. Но...

— ...

— Кажется, еще немного рановато.

— Мы встречаемся со старшей школы...

— Да. И я чувствую, что должен тебе кое-что сказать, прежде чем познакомлюсь с твоими родителями...

Он поправил очки, чувствуя себя неловко.

— ...Ты имеешь в виду?

— Я не планировал делать это здесь, но... ты выйдешь за меня замуж?

Девушка с наушниками мгновенно покраснела и спрятала лицо за меню. Но она не заставила его ждать.

— Да, — сказала она очень тихо.

Им не потребовалось много времени, чтобы встать, оплатить счет и уйти. Не в силах больше терпеть эту формальную обстановку. Предложения, как правило, заканчивались разговорами.

Тем не менее, это было довольно забавно наблюдать со стороны. Это, безусловно, было впервые для Сакуты.

Он взглянул на часы: было 3:50. Прошло всего пятнадцать минут с тех пор, как он приехал.

— Итак, э-э, — нерешительно сказал Сакута, наблюдая за потоком людей вокруг.

— Что?

— На что похоже быть родителем?

— Сакута, — сказал его отец, бросив на него мрачный взгляд. — Ты что, сделал что-то нехорошее с какой-то бедной девушкой?

— Конечно, нет! Мы не заходили так далеко!

Его ответ прозвучал как визг. Он попытался быстро прояснить недоразумение, но его громкость случайно возросла, и люди повернулись, чтобы посмотреть.

— Так у тебя есть девушка?

Только тогда он понял, что сам вырыл себе могилу. То, как он сформулировал предложение, выдало его с потрохами.

— ...Э-э, ну, — пробормотал он.

Он не хотел заводить этот разговор и скорее предпочел бы умереть.

— Когда решишься, приведи ее домой. Твоя мама будет в восторге.

— Почему?

— Когда ты только родился, она сказала, что всегда мечтала встретиться с девушкой своего сына.

— Это будет как ужасный сон.

Такого рода вещей любой сын хотел бы избежать. Сакута не думал, что в ближайшее время будет готов встретиться с этим человеком за одним столом. И он чувствовал, что приведи он Май, сразу возникнут новые проблемы.

Поверят ли они вообще? Они, вероятно, предположили бы, что это было какое-то телевизионное розыгрышное шоу. В любом случае это будет огромный шок для них.

Лучше отложить эту мысль на другой день.

— Это не то, о чем я пытаюсь спросить

— Я знаю. Но это то, что ты вырабатываешь для себя, когда становишься родителем.

— ...Значит... когда-нибудь?

Эта идея казалась нереальной. Вообще. Он прожил всю свою жизнь, не задаваясь вопросом, может ли он когда-нибудь стать отцом. Эта мысль даже не приходила ему в голову.

— Мне неприятно это признавать, но, когда ты родился, мы оба запаниковали.

Выражение лица его отца говорило о том, что паника - еще мягко сказано.

— Каждая смена подгузников была огромным делом. Каждый час, проведенный с тобой, становился новым опытом.

— Я чувствую, что есть примеры и получше.

Сакута невольно ухмыльнулся.

Но, может быть, так оно и было. Даже если бы рождение детей планировалось, никто по-настоящему не был готов к ожидающему их количеству работы.

Даже предыдущий опыт успешной жизни не гарантировал, что новые вещи будут даваться легко. Особенно что-то вроде воспитания ребенка. Независимо от того, насколько вы подготовились, вы все равно будете беспокоиться об этом и паниковать по поводу каждого нового вызова, но все же все так или иначе справляются. И нет никакого идеального пути воспитания или взросления.

Люди просто не могут так легко менять свои приоритеты.

Сакута понял все это из короткого ответа своего отца.

Они немного поговорили о школе и планах Сакуты на будущее. Он признался, что собирается сдавать экзамены в колледж, и его отец настаивал, что ему не нужно беспокоиться об оплате обучения.

— Я больше беспокоюсь о своих собственных навыках в учебе, — съязвил Сакута.

Они оба рассмеялись.

Стрелки часов неуклонно двигались вперед, и вскоре его перерыв почти закончился.

— Нам пора идти, — сказал его отец, вставая первым.

Не дожидаясь ответа, он отнес чек в кассу. Они разделились прямо на улице. Сакута смотрел, как его отец уходит к станции.

— Тридцать лет, прежде чем я догоню его, — пробормотал он.

После встречи с отцом Сакута вернулся в ресторан, снова переоделся в униформу официанта и погрузился в работу до девяти.

Он работал с полудня, что, безусловно, отняло у него много сил.

Томоэ работала по тому же графику, и только ее смешная реакция на то, как он ее дразнит, дарила ему второе дыхание, поэтому, когда он наконец ушел с работы, он почувствовал легкость в ногах. На улице уже стемнело, но вокруг было много уличных фонарей.

Станция Фудзисава. Каждый в надежде выжать из своих выходных максимум, торопится зайти и выйти из вагона поезда.

Решив, что ему лучше вернуться домой, Сакута пошел пешком.

— Сакута, — окликнул его голос.

Май стояла под ближайшим уличным фонарем. В теле Нодоки. Джинсовые шорты и блузка, широко распахнутая на плечах. Он мог видеть бретельки майки, которую она носила под ней. На ее бедрах был толстый пояс, перекинутый по диагонали, привлекающий внимание к узкой талии Нодоки Тоёхамы.

— Только возвращаешься домой, Май?

Он слышал, что сегодня она снималась для телеканала Канагава. Она уходила раньше него.

— Я добралась до станции около десяти минут назад. Подумала, что ты скоро придешь.

Поэтому она остановилась, чтобы подождать его. На этот раз причина была совершенно очевидна. Возможно, она пыталась вести себя так, как будто все было нормально, но с тех пор, как она услышала сообщение на автоответчике, она явно беспокоилась о его встрече с отцом. Вот почему она появилась в таком виде.

— Длинная смена?

— Не так долго, как твоя съемка.

Они вместе направились в жилой район. Он попытался взять ее сумку, но она сказала:

— Нет, сегодня я Нодока.

Он вроде как понял это, а вроде и нет.

— Они заставляют тебя петь и танцевать?

— На самом деле, это было больше похоже на варьете.

— О?

— Нам пришлось надеть костюмы и пробежать полосу препятствий.

— Правда?

— Они закричали «Старт», и мы все побежали. На полпути нам пришлось тянуть жребий и переодеваться в любой подходящий наряд. Затем идти по балансирам или сводам, пытаясь первыми добраться до цели.

Быть идолом звучало тяжело.

— Это было весело?

— Мы здорово влипли. Однако лидер группы пришел первым.

Май, казалось, действительно была довольна собой.

— Я никогда не могла участвовать ни в каких спортивных фестивалях, так что это было что-то новенькое.

В детстве она была слишком занята работой, чтобы заниматься чем-то подобным. Даже если бы ее расписание соответствовало графику съемок, насколько весело было бы без друзей в школе?

— Какой костюм ты выбрала?

Это было то, о чем он заботился больше всего.

— Девочка-кролик.

— Держу пари, твой опыт ускорил эту смену наряда.

Очевидно, это действительно помогло ей занять второе место.

— Хотя я бы не назвала это «опытом».

Она протянула руку и щелкнула его по лбу. Как старшая сестра, ругающая его за шалость. Но это впечатление вскоре исчезло, и она выглядела недовольной.

— Это кажется неправильным.

— Щелкать меня по лбу?

— В теле Нодоки ты кажешься выше. Это единственное, к чему я не могу привыкнуть.

Слишком много лет были проведены в ее собственном теле. Было нелегко приспособиться.

— Да, ты своего рода гигант.

— ...

Май поджала губы, явно не в восторге от этой фразы.

— Ты высокая, элегантная красавица.

— Не увлекайся, — сказала она, снова щелкнув его по лбу.

Она казалась гораздо счастливее.

— О, жаль, что меня там не было! Прошло так много времени с тех пор, как я видел тебя девочкой-кроликом.

— Это выйдет в эфир через две недели, так что тебе просто придется подождать.

— Даже несмотря на то, что у нас дома есть костюм?

— Ты же знаешь, что я не могу носить это с телом Нодоки.

— Но ты уже сделала это для шоу, верно? И они будут транслировать это в прямом эфире?

— Это была гораздо более упрощенная версия. На них был жилет поверх.

Учитывая, что идолам в ее группе было лет шестнадцать — семнадцать, это, вероятно, было уместно. Откровенно говоря, тело Нодоки в костюме девочки-кролика было бы немного рискованно показывать публике. Он представил, что верх костюма грозит соскользнуть в любой момент, когда она пошевелится.

— Вытащи свой разум из канавы.

— Но я думал о тебе.

— Ты можешь говорить все, что захочешь. Твои глаза все еще смотрят прямо на грудь Нодоки.

— Прости.

Она поймала его с поличным, поэтому он немедленно извинился.

— Я не против надеть его, но только после того, как вернусь в свое тело.

— Действительно?

— Я в долгу перед тобой, и, ну, это всего лишь одежда.

— О, но, если ты мне должна, я мог бы попросить кое-что еще.

— Ты больше ничего не получишь, — сказала Май, отбросив эту идею.

— Это нормальная просьба, я обещаю.

— Уверен?

— Обещаю.

— Тогда я, по крайней мере, выслушаю.

Она действительно не доверяла ему. Он скорчил ей гримасу.

— Я просто хочу пойти с тобой на обычное свидание, — сказал он.

Май была занята с самого начала, а потом ее агентство запретило им встречаться, поэтому они не делали ничего из того, что обычно делают пары.

Май удивленно посмотрела на него. Потом она рассмеялась.

— Ты дурак — сказала она.

Но ее лицо слегка покраснело. Ее улыбка была пьянящей смесью счастья и веселья.

— О, верно, — сказала она, как будто это напомнило что-то.

— Мм?

Она проигнорировала его вопрос, роясь в своей сумке, и вытащила белый конверт.

— Вот, — сказала она, протягивая его ему.

— Спасибо?

Он взял его. Он возьмет все, что бы она не предложила.

— Но что это такое?

Он открыл печать. Внутри было два билета. Билеты на концерт на сольное выступление Sweet Bullet. Выступление состоится в это воскресенье.

— Другой для Нодоки.

— Как насчет того, чтобы отдать его ей самому?

— Также скажи ей, что я отправлю еще один ее матери, как всегда, — сказала Май, полностью игнорируя его.

Ни Май, ни Нодока не обратили никакого внимания на его усилия примирить их вместе. Они были солидарны в самых странных моментах.

— Ты записала всю хореографию и песни? — спросил он, сдаваясь.

— Хочешь посмотреть?

Это было неожиданное предложение.

— Мне довольно трудно судить об этом объективно самостоятельно, — призналась Май.

Она указала на парк, мимо которого они проходили. Май нашла фонарь неподалеку и поставила под нее свою сумку. Затем она вытащила телефон из кармана и на мгновение постучала по экрану. К нему были подключены наушники, но она выдержала их.

Он слышал, как играет музыка. Не слишком громко. Вскоре Май уже двигалась в такт. Когда выступление закончилось, ее голос эхом разнесся по парку. Используя фонарный столб в качестве прожектора, Май устроила небольшой концерт специально для него.

Она в мгновение ока закончила припев. Когда представление закончилось, Сакута сказал:

— Черт возьми.

Не в силах сдержаться.

До концерта оставалась неделя.

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/20190/1477664>